



В. А. Соснин
Т. А. Нестик

СОВРЕМЕННЫЙ ТЕРРОРИЗМ

социально-психологический анализ



Вячеслав Соснин

**Современный
терроризм. Социально-
психологический анализ**

«Когито-Центр»

2008

Соснин В. А.

Современный терроризм. Социально-психологический анализ /
В. А. Соснин — «Когито-Центр», 2008

Книга посвящена острой проблеме современной цивилизации – терроризму как социокультурному и социально-психологическому феномену. Осуществлен системный теоретико-методологический анализ исследований проблемы терроризма, рассмотрены социальные и социально-психологические основания его возникновения, проанализирована социально-психологическая специфика глобализации и ее связь с проблемой терроризма. Особое внимание уделено анализу мотивации терроризма, социокультурному идентификационному подходу для объяснения детерминации террористической деятельности. Книга адресована, в первую очередь, специалистам в области социальной психологии, социологии и политологии, она будет полезна преподавателям и студентам психологических и социологических факультетов вузов. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

© Соснин В. А., 2008

© Когито-Центр, 2008

Содержание

Предисловие	6
Введение	8
Раздел I	11
Глава 1	12
1.1. Проблема терроризма: исторические параллели	13
1.2. Социальные и социально-психологические индикаторы коллективного насилия как детерминанты террористической деятельности	18
1.3. Феномен терроризма в современной России	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

В.А. Соснин, Т.А. Нестик

Современный терроризм.

Социально-психологический анализ

Рецензенты:

доктор психологических наук *В.Е. Семенов*,

доктор психологических наук, профессор *Н.П. Рапохин*

Введение, главы 1, 2, 3, 4, 5, 8, 9 написаны В. А. Сосниным;

главы 7 и 10 написаны Т. А. Нестиком;

глава 6 и заключение написаны совместно.

© Институт психологии Российской академии наук, 2008

Предисловие

В данной монографии авторы развивают новое направление отечественной социальной психологии – «Социальная психология терроризма». Необходимость разработки этой отрасли психологической науки вызвана насущными потребностями человеческой цивилизации – необходимостью осмысления, анализа и противодействия грозной проблеме международного терроризма, вставшей перед мировым сообществом на пороге третьего тысячелетия.

Терроризм как системный социокультурный и социально-психологический феномен по своему содержанию и последствиям – это одновременно преступное, политическое, социальное, психологическое и морально-нравственное явление. Из числа этих факторов и детерминант психологические изучены менее всего, и они менее всего понятны, хотя, несомненно, принадлежат к числу важнейших.

До последнего десятилетия проблема терроризма исследовалась, прежде всего, историками, социологами и политологами, а социальные психологи этой проблеме уделяли меньшее внимание. Однако, начиная с середины 1990-х годов, в мировой исследовательской практике (в том числе и отечественной) наблюдается резкая активизация психологических и социально-психологических исследований по этой проблеме.

В отечественной социально-психологической литературе появились работы, в которых предпринимаются попытки осмысления и разработки подходов к анализу этого феномена с позиций социальной психологии (Ю.М. Антонян, С.Н. Ениколопов, А.П. Назаретян, А. Налчаджян, Д. В. Ольшанский, М.М. Решетников, Н. П. Фетискин, С.В. Цыцарев, А.И. Юрьев и др.).

В данной монографии, посвященной в первую очередь изучению социально-психологических аспектов терроризма, авторы осуществили системный теоретико-методологический анализ проблемы терроризма в мировой и отечественной исследовательской практике и тем самым заложили основы нового направления в отечественной социальной психологии.

Оригинальность анализа проблемы терроризма, осуществленного авторами данной книги, состоит в комплексном рассмотрении социокультурного идентификационного подхода для объяснения мотивации и детерминации террористической деятельности с учетом социокультурного контекста. Этот подход проработан и использован авторами для анализа проблемы на трех уровнях: индивидуально-психологическом, внутри- и межгрупповом. Именно такой комплексный подход к анализу феномена терроризма заложил основы нового направления в отечественной социальной психологии.

Монография охватывает широкий спектр социально-психологических аспектов терроризма, некоторые из них постепенно становятся предметом отдельных исследовательских направлений. В частности, предлагаемый авторами социокультурный подход оказывается перспективным при изучении таких проблем, как мотивация терроризма на индивидуально-личностном уровне, формирование групповой идентичности и вторичная социализация террориста, внутригрупповые процессы в террористической организации, развитие психологической травмы в результате терактов, оказание психотерапевтической помощи непосредственным и косвенным жертвам.

Помимо уже сформировавшихся новых самостоятельных парадигм в психологии терроризма, таких как психология мира, особенно многообещающими оказываются перспективные исследования, намеченные авторами на внутригрупповом и межгрупповом уровнях социально-психологического анализа (внутригрупповая динамика, социокогнитивные процессы и лидерство в террористической организации, кооперация и соперничество между террористическими группами, психологические аспекты антитеррористической деятельности и др.).

*доктор психологических наук,
профессор АЛ. Журавлев*

Введение

Психологическая наука как отрасль знания, предметом которой является изучение поведения и психологических характеристик индивидуальных и групповых субъектов, по своей социальной сущности ориентирована на формирование нравственно зрелой личности и организацию стабильного и продуктивного функционирования социума. В этом состоит ее основная *гуманистическая* направленность и вклад в решение проблем сохранения мира.

Можно выделить два аспекта реализации психологией ее миротворческой функции. Первый аспект связан с *опосредованным вкладом* психологии в борьбу за мир путем формирования гуманистических ориентации, позитивного восприятия и установления отношений на основе принципов понимания и принятия, через осознание личностью своей ценности. Второй аспект – непосредственное решение психологией научных и практических задач, направленных на предотвращение угроз стабильному и мирному существованию человеческой цивилизации (Кольцова, Нестик, Соснин, 2006).

В этой связи на пороге третьего тысячелетия перед мировым социумом встала грозная проблема международного терроризма. Трагические события 11 сентября 2001 г., а также другие многочисленные атаки террористов в последние годы продемонстрировали, что нельзя игнорировать возрастающие риски и последствия терроризма.

Даже беглый взгляд на статистику криминальных ситуаций в России свидетельствует об угрожающем росте преступлений террористического характера за последнее десятилетие. Их динамика, по статистическим отчетам, выглядит следующим образом:

- терроризм (ст. 205 УК РФ): 1997 г. – 32 преступления; 1998 г. – 21; 1999 г. – 20; 2000 г. – 135; 2001 г. – 327; 2002 г. – 360; 2003 г. – 526; 2004 г. – 265;
- организация незаконного вооруженного формирования, участие в нем (ст. 208 УК РФ) в указанные годы составляют (соответственно) – 9, 2, 9, 340, 165, 135, 267, 212 выявленных фактов.

В 1993 г. выявлено 15 лиц, совершивших преступления террористического характера, а в 2004 г. их число составило 1019 человек (Гришко, Сочивко, Гаврина, 2006).

«Успех борьбы с современным терроризмом во многом зависит от знания причин, условий и предпосылок его возникновения и активизации. События последнего десятилетия в мире и в России привлекают повышенное внимание ученых и политиков к проблеме выяснения этих причин» (Иванов, 2004, с. 3). Основания терроризма имеют комплексный характер, как системный феномен он включает исторические, политические, экономические, социальные и психологические факторы и детерминанты. Из числа этих факторов и детерминант психологические изучены менее всего, и они менее всего понятны, хотя, несомненно, принадлежат к числу важнейших.

Ясно, что всестороннего, исчерпывающего понимания этого феномена можно достичь с помощью мультидисциплинарного и мультикультурного подхода. В конце концов, террористический акт направлен на изменение психологического состояния людей, его цель – создание психологической атмосферы террора у широких масс населения. Терроризм по своему содержанию и последствиям – это одновременно преступное, политическое, социальное, психологическое и морально-нравственное явление. Жертвами террористов являются, как правило, невинные люди, которые, не подозревая того, предстают в виде «расходного материала» в воспаленном сознании и расчетах террористов, воспитанных на идеях ненависти, нетерпимости и насилия, несправедливости, унижения и жестокого обращения. И даже когда террористический акт осуществляется одним лицом, его мотивацию можно понять, только используя психологический подход, который содержит базовую идею: человеческая психика опирается на широкий социальный контекст.

Термин «психологический» относится к тесному, близкому и интерактивному взаимоотношению между человеческой психикой и различными социальными контекстами. В этой связи необходимо подчеркнуть важность понимания культурных различий в мировоззрении и ориентациях людей, что не влечет за собой ни апологии, ни осуждения какой-либо нации или этнической группы в свете последних событий нарастания террористической активности в мире. Это означает, что понимание причин и сдерживание терроризма не может быть достигнуто посредством «демонизации» или очернения конкретных индивидов и групп. «До тех пор пока мы не поймем перспективы на будущее различных культур на земном шаре, мы как человеческие существа и как сообщества будем ограничены в своих способностях жить успешно. Мир, наши общие цели смогут одержать победу только через углубленное психологическое понимание тех сложностей, в которых человеческие существа, побуждаемые и характеризующие различными мотивациями, установками и восприятиями, придут к одобрению и предпочтению одних форм поведения над другими» (Moghaddam, Marsella, 2004, p. 3).

Все культуры имеют свою теорию поведения (даже если они имплицитны) и представления о связях между поведением и мировоззрением, картиной мира, в котором они живут. Эта картина мира (сконструированный мир) одновременно и формируется, и поддерживается посредством процесса социализации, который объединяет людей во взаимосвязанных институциональных образованиях (сообществах, организациях, учреждениях), включающих семью, школу, а также различные политико-экономические и религиозные образования. В конечном счете именно через изменения в этой институциональной матрице сама человеческая психика может изменяться и структурироваться в направлении более широких и менее этноцентричных взглядов на реальность окружающего мира.

То, что сегодня поставлено на карту в связи с процессом глобализации, для многих наций, государств и социально-культурных групп – *это культурная идентичность, смысл существования, сохранение статуса в мировом социуме, благополучие и выживание*. Проблема выживания стала «ключевым аргументом», оправдывающим непосредственные действия даже тогда, когда создаются новые прецеденты в международных отношениях, дипломатии и способах ведения войны.

Правительства ряда стран (США, Великобритании, Израиля) считают, что терроризм можно победить посредством проявления бдительности, жестких контртеррористических мер и путем уничтожения террористических ресурсов. Однако эти меры сами по себе никогда не смогут оказаться достаточными, чтобы остановить «поток терроризма», который истекает из человеческой неудовлетворенности и возмущения существующим неравенством и безразличием, из широко распространенных убеждений о том, что насилие – это приемлемое средство подавления и нанесения ущерба (применение принципа «Цель оправдывает средства»). Социальные изменения, вызываемые во всем мире глобализацией по западному образцу, ведут к возникновению серьезных угроз и проблем для многих стран и народов «незападной цивилизации». Эти проблемы игнорируются западными странами в их стремлении получить «сиюминутные» временные выгоды для себя. Возникающие гнев и раздражение направляются против «вестернизации» с акцентом на потребление и расточительство, эксплуатацию и достижение прибыли любой ценой.

Западная ценностно-цивилизационная парадигма существования делает акцент на индивидуализме, прагматизме, потребительстве, конкуренции и поэтому находится в конфликте с традиционными культурными ценностями коллективистических культур, для которых главными являются коллективизм, духовность, стабильность, иерархия фиксированных ролей и сотрудничество.

Терроризм можно сдерживать, но его невозможно победить до тех пор, пока существуют реальные факторы, несущие угрозу справедливости, которые питают ненависть, жажду мести и способствуют их широкому распространению. В борьбе с терроризмом возможны военные

успехи, но неизбежно наступает момент, когда необходимо понять сильные и слабые стороны человеческой психики и культурной среды, в которой они формируются и поддерживаются.

Следует отметить, что до последнего десятилетия проблема терроризма исследовалась, прежде всего историками, социологами и политологами, а социальные психологи этой проблеме уделяли меньшее внимание. Однако начиная с 1990-х годов в мировой исследовательской практике наблюдается резкая активизация именно социально-психологических исследований по данной проблеме. В целом в психологической науке указанная проблема изучается в рамках таких направлений, как психология конфликта, политическая психология и психология межгрупповых отношений.

В данной работе, посвященной в первую очередь анализу социально-психологических аспектов терроризма, нет необходимости вдаваться в подробный обзор исторической динамики этого феномена. Заинтересованный читатель может обратиться к многочисленным источникам, «покрывающим» все аспекты проявления этого феномена в истории человеческой цивилизации. Социально-психологический анализ проблемы терроризма в мировой исследовательской практике, прежде всего, проблем мотивации и причин возникновения терроризма в современном мире, которые в содержательном плане дают возможность размышлять о путях и способах противодействия этой «чуме третьего тысячелетия», представляется и оправданным, и актуальным.

Раздел I

Основания и истоки терроризма: историческая динамика и эволюция представлений

Глава 1

Исторические истоки терроризма: состояние и тенденции, феномен терроризма в России

Когда произносится слово «терроризм», у разных категорий людей возникают свои индивидуальные представления о содержании и понимании этого социально-политического, этно-религиозного и индивидуально-психологического феномена. Определенные и далеко не всегда совпадающие представления о нем сложились у политологов, историков, юристов, социологов и социальных психологов. Можно говорить и об обыденных представлениях о терроризме, которые преобладают у населения конкретных стран. Это свидетельствует о том, что феномен терроризма имеет системные, многоуровневые корни (Кива, Федоров, 2003; Лунев, 2004; Виктюк, 1993; Паин, 2002; Blumberg, 2002 и др.).

Основная цель данной главы – обозначить на отдельных исторических примерах сущность данного феномена, его истоки и – главное – социально-политический и социокультурный контекст.

В научной литературе по проблемам терроризма ведутся споры о том, когда данный феномен возник в истории человеческой цивилизации. По этому вопросу существуют две крайние позиции. Первая позиция: возникновение этого явления как инструмента идейно-политической борьбы конкретных групп людей за власть, выживание и сохранение своей этнокультурной самобытности с периода возникновения цивилизации. Вторая крайняя позиция: феномен терроризма фактически возникает как идейно-политический и этнокультурный компонент социально-группового сопротивления в начале XIX в. Наиболее четко обе эти точки зрения отражены в работах известного отечественного специалиста по истории терроризма О.В. Будницкого (Будницкий, 2000, 2004).

По данным О.В. Будницкого, одни историки и политологи приравнивают к терроризму любое политическое убийство и находят корни терроризма в античных временах и даже раньше (Laquer, 1979); другие ученые относят феномен терроризма к концу XIX в. (Alexander, Maxwell, 1979; Чаликова, 1989.); третьи – возводят терроризм к специфической исламской традиции XI–XII вв.; четвертые – связывают происхождение современного терроризма с эпохой постнаполеоновской Реформации.

«Нам представляется справедливым, – отмечает Будницкий, – мнение историков, относящих возникновение явления, именуемого терроризмом, к последней трети XIX века... Возникновение революционного терроризма современники событий относят к рубежу 70-80-х годов девятнадцатого века, справедливо усмотрев в нем явление новое и не имеющее аналогов. Разумеется, политические убийства практиковались в Европе и ранее... Однако говорить о соединении идеологии, организации и действия – причем носящем публичный характер – мы можем говорить лишь применительно к последней трети XIX века. В это время террор становится системой действий революционных организаций в нескольких странах, найдя свое классическое воплощение в борьбе «Народной воли» (хотя сами народовольцы не рассматривали свою организацию как исключительно или даже преимущественно террористическую» (там же, 2004, с. 7).

В целом, склоняясь к позиции О.В. Будницкого, по-видимому, следует признать, что идейные истоки современного терроризма, по крайней мере, в ряде типичных исторических примеров, можно найти и в древние времена (см., например: Marsella, 2004).

В этой связи сразу определимся с основными исходными положениями анализа. Мы будем отталкиваться:

- во-первых, от концепции исторического сознания народов и групп о «справедливом» государственном устройстве и функционировании социума;
- во-вторых, от понимания терроризма как «двустороннего» феномена, т. е. государственного терроризма властных структур для сохранения своих властных полномочий, с одной стороны, и, с другой – «терроризма низов», не согласных с политикой властных структур;
- в-третьих, от проблемы сохранения социокультурной идентичности группового образования как внутри государственного устройства, так и в условиях межгруппового социокультурного развития;
- в-четвертых, от понимания терроризма как противоправного или экстремального использования насилия против мирного населения для достижения своих политических целей (Laqueur, 1987);
- в-пятых, от важности социально-психологических условий и детерминант, обуславливающих функционирование этого геополитического феномена.

1.1. Проблема терроризма: исторические параллели

Терроризм с древних времен до Второй мировой войны. В исторической ретроспективе группа людей, которая однозначно с современных позиций рассматривается как террористическая, – это зилоты первого века от рождения Христова в Иудее. Они противостояли римскому владычеству и стремились освободиться от него. Отдельные зилоты-экстремисты убивали римлян и иудеев, сотрудничавших с римской властью. Цель их сопротивления состояла в том, чтобы «катализировать» сопротивление среди гражданского населения и повлиять на освобождение от римского владычества в долговременной перспективе. Что превращало эти убийства в акты террора и в инструмент социального влияния – это выбор места их совершения: публичные места с большим скоплением людей. В отсутствие средств массовой информации в те времена единственным правильным путем быстрого оповещения о шокирующем акте насилия состоял в том, чтобы совершить его в массовых публичных местах. Зилоты понимали, что их акты насилия никогда не окажут какого-либо разрушительного влияния, не станут военным потрясением для оккупационных властей Рима. Но они надеялись, что эти акты, тем не менее, смогут привести к желаемым политическим изменениям. Кроме этого, террористы обычно стремились оказать влияние не только на непосредственных «зрителей» совершения террористического акта. Насилие зилотов выступало как средство для «сообщения» определенного послания конкретной целевой аудитории – римской власти, прямым и потенциальным еврейским коллаборационистам и другим евреям – о возможности освобождения от имперского ярма (Gerwer, Hubbard, 2007).

Для римлян это было выражением целенаправленного сопротивления и отказа от повиновения; для реальных и потенциальных коллаборационистов – угрожающим предупреждением; для рядовых евреев – приглашением к объединению и сплочению, чтобы совершить священный акт восстания.

Исторический пример террористической активности зилотов во многих аспектах может выступать прототипом современного терроризма и террористов:

- по своему содержанию – это форма экстремального насилия;
- с точки зрения инструментальной, это способ идейно-политической борьбы в условиях противостояния государства и «населения», отдельных социокультурных групп государства;
- по целям – направленность борьбы на достижение независимости, сохранение и защиту своей социокультурной идентичности и/или справедливого государственного устройства;
- по информационному аспекту это устрашающий инструмент «убеждающей коммуникации»;

– по отношению к психологии субъектов террористической деятельности это либо борцы за свободу, либо преступники, подрывающие устои государства (т. е. понимание терроризма содержит в себе неустранимый элемент идейно-нравственной оценки явления).

Другой исторический аналог современного терроризма и террористов прослеживается в деятельности «Народной воли» в царской России в последней четверти XIX в. (подробнее см.: Будницкий, 2000). «Народная воля» объединяла часть анархистов, которые следовали по стопам известных анархистов-революционеров, таких, как Михаил Бакунин и Сергей Нечаев. В то время как многие социалисты и анархисты верили в «мирное» революционное изменение, Бакунин и те, кто за ним следовал, считали, что насилие является ключевым элементом начала мощной волны политического хаоса, который расшатает устои государственного управления.

Как справедливо отмечает О.В. Будницкий, «...в переходе народников от пропаганды к террору в конце 1870-х годов решающую роль... сыграли факторы не логического, а скорее психологического порядка. Настроение революционеров, отчаявшихся вызвать какое-либо движение в народе, толкало их к более решительным действиям... Народовольцы, признавшись в безрезультатности пропаганды в крестьянстве, стыдливо объявили террор одним из пунктов своей программы» (Будницкий, 2004, с. 15–16).

Народовольцы совершили ряд громких политических убийств, включая убийство царя Александра II, которые произвели колоссальный психологический эффект как на широкие массы населения, так и на государственные структуры, что и являлось их объективной целью. Цареубийство 1 марта 1881 г. стало не только поворотным моментом в истории терроризма в России, но и колоссальным сдвигом в сознании лидеров и членов многих террористических групп в Европе и других регионах мира с точки зрения подтверждения «эффективности» терроризма как инструмента идейно-политической борьбы.

Цареубийство «...доказало, что хорошо организованная группа обыкновенных людей может достичь поставленной цели, какой бы невероятной она ни казалась. Убить «помазанника Божия» в центре столицы, объявив ему заранее приговор! И вся мощь великой империи оказалась бессильной перед «злой волей» этих людей. Сообщения газет о раздробленных ногах божества сделали для подрыва «обаяния» правительственной силы больше, чем тысячи пропагандистских листов, вместе взятых» (там же, с. 16).

Террористическая идея надолго стала господствующей в умах и душах русских революционеров, а также приобрела привлекательность с психологической точки зрения для террористов в других странах мира. Идея революционного насилия, попав на благоприятную почву нищеты и озлобленности, воплотилась в наиболее жестокие и безнравственные формы, привела к рождению «нового типа революционера». Произошло «освобождение революционной психики от всяких нравственных сдержек» (Струве, 1911, с. 516). На смену «разборчивым убийцам» пришли люди, стреляющие без особых раздумий – и не обязательно в министров и карателей, а в тех, кто подвернулся под руку и не вовремя (Камю, 1990, с. 249).

«Жизнеспособность» терроризма в России объяснялась не только тем, что он оказывался временами единственным возможным средством борьбы революционной интеллигенции за осуществление своих целей. Терроризм оказался наиболее эффективным средством борьбы при ограниченности сил и средств. Катастрофические события 1917 г. продемонстрировали возможность очень быстрого распространения насилия при благоприятных обстоятельствах. «Государственный террор, унесший в 1917 году миллионы жизней, – отмечает О. Будницкий, – имеет генетическую связь с террором дореволюционным – как лево- и правозэкстремистским, так и правительственным. И если мы хотим понять, каким образом политические убийства государством своих граждан стали нормой на десятилетия, необходимо обратиться к идейным истокам политического экстремизма в истории России» (Будницкий, 2004, с. 17).

Специалисты, занимающиеся проблемой насилия как способа коммуникации (см., например: Schmid, de-Graf, 1982; Schmid, Jongman, Stohl, 1988 и др.), отмечают, что марги-

нальные группы, стремящиеся к ускорению политических изменений, с появлением средств массовой коммуникации получили новые возможности для совершения актов «экспрессивного насилия». В этом «коммуникационном акте» крайняя жестокость и немедленные последствия являлись непосредственным инструментом для достижения цели. В случае терроризма цель – это всегда экстремальная форма социального влияния: радикальное изменение установок и поведения социальных объектов, на которых направлено это влияние. Исторические примеры зилотов и «Народной воли» являются хорошими иллюстрациями того, что терроризм является выразительным компонентом «экспрессивного насилия», превращающим его в акты «убеждающей коммуникации» или «пропаганды действием».

Антиколониальный и международный терроризм: с окончания Второй мировой войны до 1980-х годов. Терроризм стал обычным явлением на десятилетия после Второй мировой войны. Главными силами и процессами, обусловившими эту эволюцию, явились холодная война, антиколониализм и интенсивное развитие средств массовой информации, особенно телевидения.

В результате холодной войны открытой конфронтации между супердержавами восточного и западного блоков удалось избежать по простой причине – необходимости предотвращения прямого столкновения, которое могло превратиться в глобальный ядерный конфликт. Это привело к росту замещающих кровавых конфликтов на всем земном шаре с массивными потоками материальных и военных ресурсов. Кроме насаждения, поддержки и вооружения авторитарных деспотических режимов, способных осуществлять государственный террор (например, поддержка Соединенными Штатами шаха Ирана и других деспотических режимов на Ближнем и Дальнем Востоке), это привело также к возникновению мятежных вооруженных групп на территории Латинской Америки, Африки, Европы и Азии (например, «Красные бригады», «Фракция Красной армии» и др.¹). Многие из этих групп стали использовать в своей борьбе весь спектр террористических действий, поскольку они стремились разрушить взаимоотношения существующих правительственных режимов со своими сторонниками среди широких слоев населения и в то же время создать свою базу социальной поддержки и подобие легитимности в глазах населения. Будучи замещающими проводниками столкновения двух мировых сверхдержав, эти группы были способны генерировать волны международного шока и получать «политические дивиденды» психологического одобрения от простых людей как действенное средство постоянной поддержки.

Близко связанным с холодной войной было крушение колониальных империй и возникновение националистических групп, стремящихся прогнать иностранных хозяев из своих стран. В своих колониальных бастионах-анклавах в Латинской Америке, на Ближнем Востоке и Юго-Восточной Азии империалистические государства внезапно обнаружили «беспокойное» и непокорное население. Для националистических, антиколониальных групп, стремящихся к восстановлению суверенности или достижению власти в своих собственных странах, назрело время радикальных перемен. Однако их ресурсы были ограничены, и обычная война против стран, победивших во Второй мировой войне, была бессмысленной. Отсюда обращение к терроризму как неадекватному, но единственному средству «слабого» против «сильного». По представлениям этих групп, террористические акты можно было использовать как эффективное средство, чтобы заставить колониальные державы переосмыслить цену колониального владычества и одновременно «бросить» объединяющую идею широким народным массам о поддержке их целей в освободительной борьбе.

Важным фактором роста террористической активности в послевоенный период вплоть до окончания холодной войны явилось бурное развитие средств массовой информации. Дело

¹ Обзор и характеристика ряда подобных террористических движений в Европе и других регионах мира, описание их групповой психологической динамики см. в главе 6 настоящей монографии, а также другие источники (напр, Reich, 1998).

в том, что с развитием радио и телевидения в XX в. возникла возможность информировать большие массы населения очень быстро. Более того, побудительной силой, лежащей за фасадом массмедийного сообщества, являлся мотив наживы и прибыли и связанная с ним потребность «завоевать» и «удерживать» в фокусе своего внимания массовую аудиторию (см.: Грачев, 2004). По известной журналистской поговорке: «Плохие новости – это хорошие новости, хорошие новости – это плохие новости, а отсутствие новостей – это также плохие новости». Террористические акты – это эмоционально возбуждающие и определенно плохие новости, поэтому, говоря на журналистском жаргоне, – это «хорошее пастбище для продажи», для читателей, слушателей и выразителей различных точек зрения.

Важным примером терроризма в этот период была террористическая активность сионистских групп в Палестине. Как вспоминает в своей автобиографии «Восстание» М. Бегин (Begin, 1972), сионистские группы, изучая опыт Великобритании в борьбе против ирландского сепаратизма, пришли к выводу, что кампания террора ослабит внутреннюю поддержку Британии, ее колониальному присутствию в Палестине. Более того, эти акты террора смогут одновременно побудить как еврейскую часть населения к образованию независимого еврейского государства, так и повергнутое в страх палестинское арабское население – к уходу с этих территорий. Сионистские группы правильно рассчитали, что кампания террора будет широко освещаться по британским СМИ, аудитория которых устала от продолжающегося конфликта в отдаленном форпосте своей империи и готова была от него избавиться как имеющего незначительную ценность для государства. Сионисты были убеждены, что общественное мнение Великобритании однозначно окажет давление на правительство, чтобы разрешить ситуацию в «нужном направлении». В итоге действительно британское правительство обратилось в ООН за вынесением окончательного решения, которое освободило бы его от возрастающих затрат на сохранение колониального контроля «...и тем самым стало повивальной бабкой гражданской войны, возникшей в Израиле» (Gerwer, Hubbard, 2007).

Другими примерами терроризма в поствоенное время являются боевые действия Алжирского фронта национального освобождения против французского колониального господства (1954–1962), борьба Вьет-Конга против вмешательства США во время Вьетнамской войны (1962–1975). В обоих случаях небольшие группы мятежников, бросающие гранаты в скопления военных и мирное население, стремились добиться наибольших человеческих жертв.

Целью этих террористических актов, по-видимому, было не нанесение какого-то осязаемого военного ущерба оккупационным властям. Скорее цена человеческих жизней, приносимых на «алтарь» террористической активности, была средством коммуникации для населения Франции и США, которое, в свою очередь, по представлениям террористов, будет оказывать нужное давление на своих лидеров и правительства.

Рост религиозного терроризма в период с 1980-х годов до настоящего времени. Светский терроризм – это форма насильственной коммуникации, направленная как на соответствующие сегменты населения, имеющего право голоса, так и на население противника в целом. Религиозный терроризм привлекает для обоснования своих деяний другую «аудиторию» – Бога. В этом случае террористическая активность рассматривается как священная, осуществляемая от имени религиозной преданности, призванная удовлетворить нормам религиозных законов или вызвать к жизни апокалиптические сценарии. Это существенно изменяет оценки терроризма: многие секуляризированные ограничения и критерии обоснования действий нерелигиозной «аудитории» теряют свое значение и фактически не принимаются во внимание. Они полностью замещаются доводами абсолютизма и «чистотой» религиозных догм. Как отмечают многие отечественные и зарубежные исследователи (см., например: Антонян, Белокуров, Бокоников, 2006; Hoffman, 1995 и др.), секулярные или националистические группы действуют преимущественно в рамках международной политической основы и стремятся изменить суще-

ствующий порядок другим, более «справедливым» со своих идейно-политических позиций². Поскольку их террористическая деятельность объективно рассчитана на секуляризованную, атеистическую аудиторию, нерелигиозный (светский) террор обуславливает необходимость в большей или меньшей степени придерживаться международных норм, связанных с пропорциональностью и допустимой оправданностью применения насилия. Однако эти нормы не действуют в случае религиозного террора. Победа в этом случае не измеряется в земных нормах и представлениях (политических, социальных или экономических), но может рассматриваться в телеологических понятиях и критериях, которые тяготеют к абсолютным, бескомпромиссным категориям и не являются предметом нормативных ограничений. Для религиозных террористов убийство, как священный акт, не является политическим актом. Вместе с тем религиозный терроризм включает в себя компонент социального воздействия и влияния, хотя цель политического и социального влияния редуцируется до простой дихотомии – объединяющего принципа или вдохновляющей идеи, а элемент религиозного изменения становится доминирующим: жертвенность на религиозной почве, апокалиптические состояния сознания.

Другими словами, риторика религиозного терроризма является бескомпромиссной и вызывающей рознь и разногласия, основанной на догматах веры и упрощенной в терминах «добра – зла». Для верующих или потенциальных религиозных сторонников религиозный терроризм – это возможность присоединиться к силам «добра», для колеблющихся – это только конфронтация или молчаливое согласие и подчинение, поскольку компромисс невозможен.

В этой связи показательной является разница между двумя большими террористическими группами – Тамильскими тиграми освобождения (Шри-Ланка) и движением Хамас (Палестина). Первая группа, будучи изначально секулярным этнонационалистическим движением, стремилась к переговорам с правительством Шри-Ланки. Группа Хамас, будучи жестко религиозной и антиссионистской, почти никогда не находила общих оснований для переговоров с израильским правительством. Эта группа, исходя из религиозных оснований, редко была способна или даже стремилась найти общий язык с израильскими властями.

Еще одним примером религиозного терроризма в настоящее время явилась деятельность террористической группы Аум-Сенрике (1989–1995), которая распространяла свою активность на территорию и России, и бывших республик Советского Союза. Эта японская террористическая организация осуществила убийства порядка ста человек и нанесла увечья тысячам людей с намерением начать священную войну с использованием химического, бактериологического и ядерного оружия, которая уничтожит миллионы. Их целью было возвестить людям о начале новой эры, включающей крах современной цивилизации и строительство с «чистого листа» нового «утопического» успешного общества. Однако японские власти энергично взяли за организацию противоборства этой религиозной террористической организации и получили поддержку тысяч простых людей, финансовую помощь бизнес-структур и средств массовой информации во многих регионах мира. Акты терроризма, осуществленные членами Аум-Сенрике, не ограничивались никакими социальными или идейными нормами, кроме «воли и одобрительной санкции» Бога (Шоп, 1999.)

Естественно, обсуждение религиозного терроризма не может упустить из вида деятельности организации Аль-Каида и ее сторонников. Чтобы понять поляризованную идеологию, язык и действия Аль-Каида, необходимо проанализировать пространные высказывания и полемику, «озвученные» бен Ладеном и его сообщниками, включая его «Декларацию джихада против Соединенных Штатов» (см., например: Atwan, 2006; Mohamedou, 2007; Rabasa, 2006).

Пример религиозного языка бен Ладена, взятый из его послания «Фетва» (bin Laden, 1998), иллюстрирует принципы религиозного терроризма, главным образом, для понимания

² Необходимо отметить, что на практике националистический терроризм зачастую трудно отделить от религиозного, так как первый обычно выступает под лозунгами последнего.

того, что секуляризованная мировая аудитория и ее нормы не являются руководящими принципами и ориентациями для террористических действий:

«Право убивать американцев – гражданское население или военнослужащих – это личная обязанность для каждого мусульманина, способного это делать в любой стране, где это возможно делать. Мы с Божьей помощью призываем каждого мусульманина, верящего в Аллаха и стремящегося получить вознаграждение во исполнение Божьего миропорядка, убивать американцев и грабить их деньги там, где это возможно» (цит. по: Gerwer, Hubbard, 2007, p. 96).

Аль-Каида и ее сторонники используют «священное насилие» как инструмент социального влияния. Тем не менее, их «послание» миру является предельно жестким и сеющим распри и разногласия. Их деятельность исходит и базируется на основных принципах ислама, представители которого «принимают власть Ладена» и ее обоснование террористической деятельности. Население «враждебных стран» всегда будет объектом террористических атак, большинство из которых демонизированы или «обесценены», с точки зрения религиозной идеологии Аль-Каиды. Другая аудитория Аль-Каиды – священная – характеризуется теологией Аль-Каиды, имеющей право именно на такие дихотомичные мировоззренческие представления и неограниченные насильственные действия.

1.2. Социальные и социально-психологические индикаторы коллективного насилия как детерминанты террористической деятельности

Поскольку категория «насилие» является ключевой в понимании истоков терроризма, идентификация социальных условий, культурных детерминант и психологических процессов межгруппового взаимодействия, вносящих вклад в проявление коллективного насилия, представляется оправданной.

Общей социальной базой для возникновения массового насилия являются такие социальные условия в обществе, как тяжелые экономические проблемы, затяжные этнополитические конфликты, быстрые социально-культурные изменения или совокупность этих факторов. Они имеют колоссальное фрустрирующее психологическое воздействие: блокируют удовлетворение витальных базовых потребностей людей. Конфликты могут касаться материальных, объективных противоречий, как, например, в случае Палестино-Израильского конфликта, трудностей разделения территории и потребностей наличия жизненного пространства. Но более важно то, что эти противоречия неизбежно проявляются в психологии взаимодействия групп. Территория – это часть социокультурной идентичности группы. Это может быть история взаимного недоверия, «неприятия» и «обесценивания» и взаимного страха. Доминантные группы, сталкиваясь с требованиями подчиненных групп, защищают не только свои привилегии и права, но и свою безопасность, идентичность и свое мировоззрение, «правильность» порядка вещей. С точки зрения исторической практики, социальная позиция доминантных групп представляет «правильное» видение социального устройства общества. Основные различия между группами в обществе – во власти, в привилегиях – могут длительное время сохраняться без конфликтов и использования насилия. Однако, когда группы начинают осознавать и испытывать депривацию своих базовых потребностей и воспринимать ситуацию несправедливой, конфликт может превращаться в актуальный.

В настоящее время возможности коммуникации позволяют людям не только сравнивать себя с другими людьми, но и сопоставлять свои условия с другими образцами благополучия и хорошей жизни. Поэтому переживание своего угнетенного положения и беспомощности может приобретать доминирующий характер и становиться особенно интенсивным. Когда потребности людей в положительной идентичности, в индивидуальной и групповой эффективности и контроле блокируются, возникает состояние переживания несправедливости и формируется

один из базовых социальных мотивов – стремление к справедливости, который детерминируется этими базовыми потребностями.

Одним из значимых «трудных условий жизни» в настоящее время являются быстрые и глубокие культурные изменения во всех сферах жизни людей в условиях глобализации. Эти изменения требуют основательной психологической адаптации. Традиционные общества, в которых свобода выражения или обмена мнениями граждан в западном смысле сильно ограничена, сталкиваются со специфическими трудностями, с которыми приходится справляться современному человеку во всех сферах жизни – в знаниях, технологиях, досуге и культурных традициях, которые проникают в эти общества, даже преодолевая установленные барьеры (Staub, 1996).

Индивидуальный интерес – другой побудительный фактор возникновения мотива справедливости. Сочетание интенсивной девальвации и угнетения какой-либо подчиненной группы в обществе и ее вызов доминантной группе могут приводить к таким ответным действиям с ее стороны, которые вызывают деструкцию подчиненной группы. Массовые убийства и геноцид местного населения часто оказываются обусловлены стремлением приобрести территорию или расширить свои ресурсы на землях, где проживали эти группы (Hitchcock, Twedt, 1997). Личный интерес способствует проявлению насилия в межгрупповых отношениях.

С позиций социальной психологии можно выделить ряд психологических и социальных процессов, мотивирующих индивидов и группы к использованию насилия друг против друга. В идеальном варианте группы могли бы реагировать на провоцирующие условия совместными усилиями для улучшения условий жизни или пытались бы разрешать конфликты путем переговоров, идя на взаимные уступки. Однако возникающие групповые психологические и социальные процессы способствуют обострению противоречий и, в конечном счете, подталкивают группы к применению насилия.

Один из способов, к которому прибегают люди, чтобы справиться с трудными жизненными условиями или групповыми конфликтами, – это обращение за помощью и поддержкой к какой-либо другой группе для сохранения своей безопасности, идентичности и переосмысления реальностей изменяющегося или изменившегося мира. Это может быть своя этническая группа, нация, доминантная группа, частью которой они являются, какое-либо политическое, идеологическое движение или религиозная группа. Кроме того, люди могут защищать себя, укрепляя свою группу, расширяя ее ресурсы, отстаивая свои групповые ценности, идеалы и действия (Журавлев, Соснин, Красников, 2006; Tajfel, Turner, 1986). Они могут также поддерживать себя, нанося моральный или физический ущерб другим людям и группам.

Другим групповым психологическим процессом, который способствует индивидуальной и групповой защите и формированию психологической основы для оправдания насилия, является превращение другой группы и ее представителей в «козла отпущения» с тотальным приписыванием ей вины за возникновение жизненных проблем и трудностей или конфликта. Этот процесс дает группе возможность объяснить возникшие трудности жизни и, в конечном счете, сформировать образ врага, ответственного за все беды, по отношению к которому оправданно применение любого насилия.

Естественно, группа, превращенная в козла отпущения, может в той или иной степени быть ответственна за возникновение трудностей жизни, но в реальности обычно не в той абсолютной степени или не в той форме, в которой ее обвиняют. Иногда эта группа в действительности может вообще не быть причиной возникшей жизненной ситуации и трудных жизненных условий. В этом отношении особенно показателен пример евреев, на которых нацисты возложили ответственность за поражение Германии в Первой мировой войне и подвергли геноциду в преддверии и во время Второй мировой войны. В наше время действие этого психологического механизма проявляется в тенденции тотального обвинения русских со стороны ряда дру-

гих этнокультурных групп бывшего Советского Союза во всех бедах и трудностях, возникших после развала страны.

Однако это не означает, что действие этого социально-психологического механизма в возникновении группового насилия и терроризма не имеет объективной основы и целиком связано с «рационализированным» вариантом психологической защиты. Это видно на примере отношения к Соединенным Штатам Америки со стороны граждан многих арабских стран, которые считают американцев виновными в возникновении своих проблем и трудностей (подробнее см. главы 4–7 настоящей книги). Однако арабы являются не единственными, кто рассматривает современный терроризм против США как ответную реакцию на проводимую ими международную политику. Так, телефонный опрос 275 общественных деятелей высокого ранга в 24 странах мира, проведенный газетой «*International Herald Tribune*» совместно с одним из исследовательских центров спустя месяц после событий 11 сентября, показал следующие результаты. Около 76 % опрошенных в исламских странах считают США ответственными за возникновение терроризма в мире. Такое же мнение об ответственности американцев высказали 36 % опрошенных в Западной Европе и еще больше – в странах Азии, Латинской Америки и Восточной Европы – приблизительно по 50 % (McCaughey 2005).

Использование идеологий является еще одной групповой реакцией на провоцирующие условия жизни. У разных людей есть свои представления об идеальном социальном устройстве, о лучшей жизни либо для своей группы, либо для всего человечества: капиталистическая демократия, социализм-коммунизм или нацизм. Идеологические представления могут быть позитивными, однако те идеологические концепции, которые возникают как реакция на трудные условия жизни или групповые конфликты, зачастую носят деструктивный характер. В подобных идеологиях содержится тенденция идентификации врагов, которых необходимо победить, что, в конечном счете, означает их насильственное уничтожение, исходя из догматов идеологии. В практике идеологического противоборства идеологии, по-видимому, как правило, включают возможность использования насилия. И идеологические представления обычно играют центральную роль в терроризме. В случае геноцида и массовых убийств идеологии зачастую имеют секулярный, светский характер.

Однако религия сама по себе также может рассматриваться как определенная идеология, как совокупность представлений для достижения лучшего мира через создание устройства и образа жизни, соответствующего нормам и предписаниям конкретной религии. Религия часто использовалась и используется как средство идентификации других как врагов, даже в тех случаях, когда идеологии сами по себе являются секулярными. Так, албанцы в Югославии и Боснии со своей националистической идеологией идентифицировали сербов как врагов. Очевидно, что бен Ладен и его сторонники выработали такую идеологию, в которой религия играет центральную роль. Аналогичные идеологические концепции используются террористическими группами и в России, в регионе Северного Кавказа, и на пограничных территориях. Однако, как и в случаях с секулярными идеологиями, социальные условия и возникающие из них потребности и мотивы являются важнейшими факторами, использующими религию для обоснования насилия и разрушения, включая и террористическую деятельность.

Механизм формирования образа внешнего врага в соответствии с социально-психологической динамикой развития конфликтных отношений приводит к экстремальности противостояния и враждебности групп друг к другу с использованием насилия и развития конфликта по деструктивному руслу (Соснин, 1979; Deutsch, 1969). Параллельно усиливается процесс «моральной экскатегоризации» – исключения враждебной группы из категории *homo sapiens*, т. е. из «морального пространства», в котором ценности и стандарты применяются для регуляции взаимоотношений. В конечном счете, происходит полное исключение моральных регуляторов: уничтожение врага любыми средствами превращается в доминирующий принцип, который начинает восприниматься как правильный, оправданный и моральный.

Аналогичная эволюция происходит и в террористических группах. Например, идеологические движения, которые со временем превращаются в террористические, и те, которые приходят к оправданию использования терроризма, могут «стартовать» как чисто идеологические. Террористическая группа Бадера – Мейнхоф в Германии может служить ярким примером (подробнее см.: Reich, 1998). Один из ее лидеров, Ульрика Мейнхоф, начинала с участия в студенческих демонстрациях против размещения Соединенными Штатами ядерного оружия в Европе (Demaris, 1977). После формирования группы ее лидеры первоначально пытались использовать чисто политические акции. Однако, поняв, что их попытки изменить политические и социальные условия трудно осуществить, группа стала крайне радикализироваться и превращаться в террористическую организацию. Внутренняя динамика функционирования террористической группы способствует усилению радикализации. Для достижения определенного социального статуса она вынуждена прибегать к радикализации убеждений и использованию более экстремистских действий (McCauley Segal, 1989). Поскольку группа все более и более прибегает к использованию насилия, в групповом сознании ее членов идеологические постулаты «сжимаются» до одной точки – нанесение ущерба врагу становится высшей и единственной целью. У членов группы может формироваться фанатическая приверженность достижению главной цели – реализации постулатов идеологии путем разрушения оппонента. Фанатизм, по существу, означает, что конкретная цель приобретает высшую ценность, которая требует тотального подчинения и привязанности, а все другие цели становятся второстепенными.

Террористы-самоубийцы являются экстремальным примером того, как сама жизнь ставится в подчинение «величественной» цели, доминирующей в головах преступников. Процесс жертвования жизнью ради высшей цели усиливается и «психологически облегчается» тогда, когда общество в целом начинает высоко ценить и идеализировать жертвенность ради высшей цели. Религиозные убеждения могут вносить свой вклад в формирование установки жертвенности жизнью, когда лицо, совершающее самоубийство в процессе нанесения ущерба врагу, подкрепляется убеждением в том, что оно получит награду на небесах. Мистические убеждения могут доходить до такой степени, что человек, совершающий самоубийство, уверен в том, что он останется живым и не умрет. Таким образом, убеждения и идеология психологически объединяются в единый симптомокомплекс, который формирует динамику функционирования как больших, так и малых групп, совершающих акты насилия.

Молодых палестинских террористов-самоубийц (как и многих их сверстников из ряда этнических групп в регионе Северного Кавказа), по-видимому, привлекала внушенная им идея освобождения своей этнокультурной группы и достижения лучшей жизни, идея оказания поддержки своему более широкому культурному сообществу и даже своим семьям. После того как они принимают решение стать террористами-самоубийцами, они постоянно остаются в окружении других членов террористической группы, которые оказывают им психологическую поддержку и ограждают от внешних влияний, которые могли бы побудить их изменить принятое решение (подробнее о психологии террористов-самоубийц см. главу 6).

1.3. Феномен терроризма в современной России

Терроризм в России имеет историческую традицию, проявившуюся в деятельности радикальных политических групп и движений царской России в XIX – начале XX в. (Будницкий, 2000, 2004); в межэтнических конфликтах, так называемых еврейских погромах (Жожинов, 2001); в исторических формах этнорелигиозного экстремизма и терроризма на Северном Кавказе в ходе Кавказской войны и после ее завершения (Добаев, 2003), а также в практике государственного терроризма после 1917 г.

Естественно, проблему терроризма в современной России нельзя отделять от общих тенденций современного цивилизационного развития: от изменения глобальной геополитической социально-экономической ситуации в мире после поражения Восточного блока в противостоянии двух сверхдержав мира и распада Советского Союза, что, несомненно, дало мощный толчок к обострению межэтнических, этнорелигиозных противоречий и конфликтов во всех регионах мира, включая Россию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.